

УДК 327

США–ЕС: БЛИЖНИЙ ВОСТОК КАК ЗОНА «СОВМЕСТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»

© 2024 ШУМИЛИН Александр Иванович

Доктор политических наук

Главный научный сотрудник, руководитель Центра «Европа – Ближний Восток»

Отдела европейской безопасности ИЕ РАН

Главный редактор «Научно-аналитического вестника ИЕ РАН»

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

E-mail: mideast@bk.ru

Поступила в редакцию 28.08.2024

Принята к публикации 05.11.2024

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты процесса обновления подходов Соединенных Штатов и Евросоюза к проблемам Ближнего Востока, а также попытки Вашингтона и Брюсселя координировать действия в новых условиях. В США усиливаются голоса политиков и экспертов, которые считают, что европейцы, воздерживаясь от наращивания участия в регионе и по-прежнему полагаются на военное присутствие Соединенных Штатов. При этом зависимость США от ближневосточной нефти существенно ослабевает. Многие европейские политики не скрывают разочарование в подходах Вашингтона к кризисным ситуациям в регионе, а также все чаще упрекают США в утрате лидерства на мировой арене. Необходимость ЕС больше полагаться на свои силы и ресурсы, оформленная в виде концепции стратегической автономии, обусловлена не только ситуацией вокруг Украины, но и повышением уровня конфликтности на Ближнем Востоке: боевыми действиями Израиля против ХАМАС в секторе Газа, прямыми столкновениями Израиля и Ирана, активизацией проиранских группировок в Ливане, Ираке и Йемене.

Ключевые слова: ближневосточная стратегия, Макрон, Средиземноморье, Евросоюз, США, Россия, Украина, сектор Газа, Израиль, ХАМАС

DOI: 10.31857/S0201708324060068

Полувековой цикл доминирования США в рамках евроатлантического альянса на Ближнем Востоке (БВ), который начался во время Суэцкого кризиса 1956 г., когда Вашингтон раскритиковал действия Парижа и Лондона в отношении Египта и взял на себя ответственность за политику Запада в регионе, постепенно завершается. Американские президенты, начиная с Б. Обамы (2008–2016 гг.), все чаще дают понять, что сохранение прежнего масштаба присутствия на Ближнем Востоке ведет к перенапряжению сил США и призывают Европу разделить бремя ответственности. Особенно активно в

последние годы эту идею развивают американские эксперты и аналитики. «Один из способов, с помощью которого Европейский союз мог бы приспособиться к новым меняющимся мировым реалиям, – это обратить внимание на свои геостратегические и геоэкономические задворки, Ближний Восток и Северную Африку, и разделить с Соединенными Штатами расходы по обеспечению основных интересов Запада там», – утверждает Леон Хадар, старший научный сотрудник Института изучения внешней политики в Вашингтоне [Nadar, 2023]. Исследователь считает, что усиление роли и масштабов присутствия ЕС на БВ потребует от Вашингтона принятия факта «сокращения его собственного влияния в регионе» [Nadar, 2023]. Эта перспектива вызывает озабоченность ближневосточных союзников Соединенных Штатов – особенно Израиля и арабских монархий Персидского залива.

Холодная война-2: ближневосточный «фронт»

Утверждение США в качестве лидера Запада на Ближнем Востоке происходило в контексте набиравших популярность в академических и политических кругах в Вашингтоне антиколониальных идей, в т. ч. нового подхода к странам «третьего мира» [Gildea, 2019: 97–121; Ward, 2021]. Суть последнего заключалась в призыве отойти от силового воздействия на страны, освобождавшиеся от колониальной зависимости, и сделать ставку на их привязывание к западному сообществу экономическими и политическими средствами (неоколониализм). В странах Азии и Африки распространялся нарратив, согласно которому Соединенные Штаты не только никогда не были колониальной державой, но и стали одной из первых стран, освободившихся от колониальной зависимости. В середине 1950-х гг. Вашингтон проводил внешнюю политику в духе Доктрины Трумэна, главный постулат которой – «недопущение попадания новых стран Азии и Африки под влияние тоталитарных держав». Президент США Дуайт Эйзенхауэр в письме британскому премьер-министру Энтони Идену объяснил позицию Вашингтона в Суэцком кризисе следующим образом: «Народы Ближнего Востока и Северной Африки (в случае силового давления на них – *А.Ш.*) могут сплотиться против Запада в такой степени, что, как я опасаюсь, этого нельзя будет преодолеть не только в течение жизни, но и в течение целого столетия» [Киссинджер, 1997: 485]. Именно в этот период сформировались три столпа ближневосточной политики США: сдерживание советской угрозы, гарантирование доступа к источникам углеводородов в регионе, обеспечение выживаемости Израиля.

Европейские элиты согласились с этими постулатами, но не считали их руководящими в политике. Во многом их устраивала возможность прикрываться американской военной мощью. Государства Европы предпочитали подход, основанный на «мягкой силе» и совместной с США борьбе с терроризмом. Ситуация резко изменилась с началом украинского конфликта в 2022 г.: в Европе заговорили о возрождении советской/российской угрозы в глобальном масштабе, возросла заинтересованность экономик Старого Света в ближневосточных источниках углеводородов после отказа ЕС от российских энергоносителей, периодически возобновляются волны беженцев из арабских стран. Ближний Восток становится источником новых и возродившихся старых угроз для Евросоюза.

Относительная сбалансированность присутствия глобальных акторов (США, ЕС, России и Китая) на Ближнем Востоке и в Северной Африке надолго уходит в прошлое.

Как и в годы холодной войны, БВ становится зоной повышенной конкуренции внешних акторов. По мнению Ф.С. Фазанотти, Москва не смирится со стремлением ЕС компенсировать утрату российских энергоносителей за счет импорта из стран ближневосточного региона. Подписанную Россией и Китаем в феврале 2022 г. декларацию «новой эры» исследовательница трактует как «манифест альтернативного мирового порядка, основанного на их (Москвы и Пекина – *А.Ш.*) ценностях». Этот документ наряду со Стратегией национальной безопасности США (2022 г.) и Компасом ЕС (2022 г.) означает, что БВ обречен на силовое противостояние Востока (России и Китая) с Западом [Fasanotti, 2023]. Ф.С. Фазанотти считает, что с учетом неготовности стран Запада противодействовать России на Ближнем Востоке Москва, опираясь на базы в Сирии (Тартус) и Ливии (зона, контролируемая фельдмаршалом Хафтаром), будет усиливать влияние в районе Средиземноморья и Красного моря и проникать через Сахель вглубь Африки [Fasanotti, 2024].

Л. Хадар задается вопросом, смогут ли США и ЕС выйти из порочного круга, когда Соединенные Штаты выступают единственной силой, способной сдерживать СССР/Россию на Ближнем Востоке, а европейцы под прикрытием американского «зонтика безопасности» действуют в регионе в духе «мягкой силы» в собственных интересах. В будущем, скорее всего, расклад сил существенно не изменится. США обречены оставаться ведущей военной державой Запада на БВ, но при условии, что европейцы будут демонстрировать готовность взять на себя часть издержек. «Сегодня, когда между Америкой и Китаем назревает новая холодная война, европейцам необходимо начать поворот ЕС в сторону Ближнего Востока», – делает вывод Л. Хадар [Nadar, 2023]. Прежде всего речь идет о том, чтобы убедить Брюссель в необходимости наращивания силы в регионе. На политическом уровне в новом столетии к этому их призывали все американские президенты, но различными средствами – от угроз сократить или даже свести к нулю силовое присутствие (так как приоритетом становится напряженность с Китаем на Тихом океане) до планов сохранить прежние масштабы участия при условии разделения бремени финансовых расходов и оказания военной поддержки.

«Жесткая сила» ЕС на Ближнем Востоке: от теории к практике

В Брюсселе в последнее десятилетие неуклонно возросло осознание необходимости расширить силовой компонент внешней политики. Цели и задачи всесторонне обоснованы в документах Евросоюза по вопросам стратегии и безопасности. Заявления ведущих политиков стран ЕС за последние два года можно расценивать как положительный отклик на призывы Вашингтона. Дискуссии в Брюсселе велись в основном вокруг того, как усилить военный компонент на БВ в равноправном партнерстве с США, избегая зависимости и подчиненности.

На европейцев повлияли такие события, как вторжение ХАМАС в Израиль 7 октября 2023 г., боевые действия в Газе, ракетная атака Ирана на Израиль 18 апреля 2024 г., активизация проиранских формирований «Хезболла» в Ливане, «Народной милиции» в Ираке и хуситов в Йемене. Все это представляет гораздо большую угрозу для ЕС, чем для США. Через Красное море и Суэцкий канал проходит не менее 40% товарооборота ЕС со странами Азии и Ближнего Востока. В частности, 3,6 млн баррелей сырой нефти и нефтепродуктов из общего объема в 6,2 млн, перевозимого через Бабель-Мандебский пролив, предназначены для европейских стран [Bianco, Tasinato, 2024].

25 апреля 2024 г. Э. Макрон заявил: «Европа может умереть. Мы не обеспечены в военном отношении, чтобы противостоять рискам». Президент Франции призвал страны ЕС «настойчивее утвердиться на мировой арене»¹.

Первой основательной силовой реакцией ЕС на события в регионе можно считать формирование и направление в феврале 2024 г. в Красное море военно-морской миссии под названием «Щиты» (*Aspides*; инициаторы – Франция, Германия и Италия)². Ее мандат распространяется на все акватории вокруг Аравийского полуострова, включая Персидский залив. Обозначенные Брюсселем цели операции включают защиту гражданских судов от атак хуситов, сопровождение судов, мониторинг происходящего в акватории, оценку угроз для свободы мореплавания. В сообщении Совета ЕС подчеркивается, что миссия носит оборонительный характер, призвана защищать гражданские корабли в случае атак с моря и воздуха. Участники не будут наносить удары по наземным целям, т. е. по формированиям хуситов на территории Йемена³.

С октября 2023 г. (после атаки ХАМАС на Израиль) из-за действий йеменских повстанцев акватория Красного моря остается зоной самой высокой военной напряженности международного уровня в регионе, поскольку нападениям подвергаются коммерческие суда западных стран при подозрении, что они могут прибыть в израильские порты. *Aspides* осуществляется параллельно с аналогичной американской операцией «Страж процветания» (*Operation Prosperity Guardian, OPG*). Сформированную группировку ВМС США эксперты оценивают как самую мощную в ближневосточном регионе за последние десятилетия. В районе Красного моря находятся американские эсминцы «Карни» (*USS Carney*), «Лабун» (*USS Laboon*) и «Томас Хаднер» (*USS Thomas Hudner*), а также атомная подводная лодка класса «Огайо» (*Ohio*). Поддержку им оказывают британский эсминец «Даймонд» (*HMS Diamond*) и французский многоцелевой фрегат «Лангедок» (*Languedoc*). В соседних акваториях размещены американские авианосцы «Дуайт Д. Эйзенхауэр» (*USS Dwight D. Eisenhower*) и «Джеральд Р. Форд» (*USS Gerald R. Ford*).

Участники *Aspides* обосновывают миссию концепцией стратегической автономии ЕС, т. е. созданием политически привлекательной альтернативы *OPG*. «Тем самым Франция и Италия предпочли несколько дистанцироваться от военно-морской группировки США и Британии, выражая озабоченность подходом Вашингтона к конфликтам в регионе, который, по их мнению, может осложнить ситуацию, повысив градус эскалации», – считают эксперты Брюссельского международного центра (*The Brussels International Center, BIC*) [Bianco, Tasinato, 2024].

¹ Rose M., Melander I. “Europe could die”: Macron urges stronger defences, economic reforms. Reuters. 25.04.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/macron-aims-cement-french-influence-eu-lift-party-fortunes-with-landmark-speech-2024-04-25/> (дата обращения: 15.08.2024).

² *Aspides* сформирована на основании обновленной в октябре 2023 г. Стратегии морской безопасности ЕС, которая предполагает наращивание силовой составляющей для борьбы против вооруженных судов хуситов и организованных преступных группировок. До этого европейские военные корабли ограничивались мониторингом положения в Красном море. Теперь мандат расширен на Персидский залив и Аравийское море. Эти действия вписываются в Общую глобальную стратегию, нацеленную на усиление геополитической роли Евросоюза.

³ EUNAVFOR Operation ASPIDES: Press statement by High Representative/Vice-President Josep Borrell during his visit to the Operational Headquarters in Greece. EEAS. 05.07.2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eunavfor-operation-aspides-press-statement-high-representativevice-president-josep-borrell-during_en?s=410381 (дата обращения: 16.08.2024).

Между тем не подтвердились опасения части европейских политиков, что развертывание *Aspides* на фоне боевых действий в Газе и впечатляющих по масштабам уличных протестов против Израиля в странах ЕС может вызвать всплеск недовольства в регионе. Наоборот, элиты практически всех умеренных арабских государств, несмотря на уклончивые формулировки официальных лиц, положительно восприняли работу средств ПВО (ими оснащены европейские и американские военные корабли в Красном море) с целью отражения ракетно-дроновых атак Ирана и хуситов против Израиля в апреле 2024 г. ВВС Иордании были открыто задействованы в перехвате дронов¹. Новая военно-политическая реальность отражает устойчивое противостояние арабских стран экспансионистской стратегии Тегерана. Показательна в этом плане оценка арабской реакции на иранскую атаку 18 апреля 2024 г. высокопоставленной сотрудницей Пентагона Д. Строул: «Что бы ни говорили политики в ближневосточном регионе, представители военного истеблишмента и служб безопасности арабских стран и Израиля вполне конкретны и откровенны в своей позиции, которая сводится к тому, что Иран был и остается главной дестабилизирующей силой, экспортером терроризма, стремящимся обрести ядерное оружие»².

До 2024 г. военное присутствие государств – членов ЕС на БВ было в основном символическим («демонстрацией флага»). Среди них выделялся Париж, который в 2009 г. основал базу на территории ОАЭ (под названием «Лагерь мира») и разместил там 500 военнослужащих. Выступая на церемонии открытия, президент Н. Саркози подчеркнул, что «с помощью этой базы, первой на Ближнем Востоке, Франция заявляет о своей готовности взять на себя ответственность по обеспечению стабильности в этом стратегически важном районе»³. Речь шла о защите торговых судов от атак пиратов, свободе мореплавания и обеспечении безопасности «друзей Франции в Эмиратах». Н. Саркози подчеркнул, что база призвана показать, что «в случае угрозы безопасности ОАЭ Париж будет на стороне Абу-Даби»⁴. Европейские СМИ комментировали это событие не только как сигнал противостояния Франции с Ираном, но и в контексте соперничества с Британией и США касательно влияния в Красном море и Персидском заливе⁵. В 2014–2018 гг. база использовалась для нанесения авиаударов по ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации) на территории Ирака и Сирии в основном в рамках французской операции «Шамаль», чтобы подчеркнуть самостоятельность и обособленность действий от американо-британских сил. В феврале 2022 г. Париж также начал переговоры с Кувейтом по стратегическому сотрудничеству под лозунгом борьбы с терроризмом.

Важная составляющая политики Франции в зоне Персидского залива – наращивание роли и позиций на рынке вооружений арабских монархий и Израиля, на котором

---

¹ Bradley M. An uneasy alliance of Arab states helped defend Israel from Iran. Their resolve may soon be tested. NBC News. 16.04.2024. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/iran-attack-israel-hamas-war-saudi-arabia-jordan-uae-coalition-rcna147965> (дата обращения: 10.08.2024).

² Wintour P. Gulf states' response to Iran-Israel conflict may decide outcome of crisis. The Guardian. 19.04.2024. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/apr/19/gulf-states-response-to-iran-israel-conflict-may-decide-outcome-of-crisis> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Chisafis A. France opens military base in UAE despite Iranian concerns. The Guardian. 26.05.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/may/26/france-military-base-uae> (дата обращения: 11.08.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

устойчиво доминируют США. До последнего времени закупки вооружений выступали одной из форм платы за обеспечение безопасности поставщиком оружия (в частности, в виде размещенных военных баз). Основные покупатели французского оружия в регионе – Саудовская Аравия, Египет, Катар и ОАЭ. Однако на этих рынках доля Франции невелика – в 4,5 раза меньше, чем у США (по данным на 2023 г., ближневосточные страны обеспечили войска американской продукцией на 52%, французской – на 12%, итальянской – на 10%, германской – на 7,1%) [Wezeman et al., 2022]¹.

По оценке сотрудницы Французского института международных отношений (*Institut français des relations internationales, IFRI*) Э. Файет, упомянутые арабские страны все больше нуждаются в высокотехнологичном оборудовании и без колебаний диверсифицируют импорт. «Они очень реалистичны и предъявляют все более высокие требования к передаче технологий. Это подпитывает появление конкурентов, которых мы не ожидали увидеть, таких как Китай и Израиль, особенно после того, как в сентябре 2020 г. в Вашингтоне были подписаны договоры о нормализации отношений, известные как “соглашения Авраама”, между Израилем и ОАЭ, а также между Израилем и Бахрейном под эгидой Соединенных Штатов», – говорит Э. Файет, поясняя, почему перспективы Франции на рынке вооружений отнюдь не безоблачны². Например, после обстрела йеменскими хуситами ОАЭ баллистическими ракетами в феврале 2022 г. Франция развернула на территории Эмиратов эскадрилью истребителей «Рафаль» (*Rafale*) и систему ПВО «Кроталь-НЖ» (*Crotale NG*), однако Абу-Даби закупили израильские противоракетные и противодроновые системы «Барак-8» (*Barak-8*) и систему ПВО «Спайдер-124» (*Spyder 124*) [Fayet, 2022].

Украинский кризис и его отголоски на Ближнем Востоке в виде активизации Ирана и его прокси привели к неоднозначным последствиям для Евросоюза. На политическом уровне арабские монархии (в большей степени) и Израиль демонстрируют нейтралитет по отношению к российско-украинскому противостоянию в стремлении избежать всплеска напряженности с Россией и ее партнерами. Однако в плане безопасности они вынуждены по-прежнему полагаться на страны Запада, прежде всего на Соединенные Штаты. Значимость коммерческой составляющей в сфере поставок вооружений отходит на второй план под воздействием геополитического императива – необходимости сохранения выстроенной архитектуры безопасности с доминирующим участием западных стран. Сегодня, особенно в условиях ослабления зависимости США от ближневосточной нефти и разворота ЕС к источникам энергоносителей на БВ, эта задача вряд ли реализуема без наращивания Вашингтоном и Брюсселем совместного военного потенциала в регионе. Со своей стороны страны Машрака (восточная часть Ближнего Востока) и Персидского залива пытаются проложить новые маршруты к европейским рынкам. На фоне военной турбулентности в Красном море и ограниченных возможностей пропуска судов через Суэцкий канал резонанс приобрел предложенный Ираком и поддержанный Турцией проект строительства железнодорожной и автомобильной линий от порта Басра (на севере Персидского залива) до стран восточной и южной Европы (по территории Ирака и Турции). Проект получил несколько названий: «Дорога развития», «Новый шелковый путь», «Сухопутный канал». Участие в нем подтвердили Катар и

¹ SIPRI Arms Transfers Database. 11.03.2024. DOI: <https://doi.org/10.55163/SAFC1241>

² Vinsent E. Héloïse Fayet: France's strategic thinking in the Middle East is at a standstill. *Le Monde*. 20.12.2022. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/12/20/france-s-strategic-thinking-in-the-middle-east-is-at-a-standstill_6008469_4.html (дата обращения: 20.08.2024).

ОАЭ¹. Инициатива призвана не только обезопасить пути доставки товаров по маршруту Персидский залив – Европа – Персидский залив, но и сократить время логистических операций.

Евросоюз в поисках ближневосточной стратегии

Разрушение системы безопасности в Европе стимулирует подобный процесс на БВ. Он выражается в военной эскалации по давно сложившимся линиям противостояния вокруг Израиля со следующими изменениями: прямым вовлечением Ирана в боевые действия против Израиля, сближением арабских монархий с Тель-Авивом для сдерживания Тегерана.

Если основные акторы на БВ (как локальные, так и глобальные) действуют в рамках традиционных моделей, а арабские монархии изменили внешнеполитические подходы (от противостояния с Израилем к сотрудничеству с ним), то единственным игроком, обреченным на трансформацию политики в регионе, остается Евросоюз. Представители ЕС утверждают, что только «мягкой силы» недостаточно и Брюссель должен стать значимым геополитическим фактором [Moser, 2020].

На протяжении последних десятилетий Евросоюз ставил в центр ближневосточной политики в основном регионы, расположенные вблизи его границ. На политическом уровне эта линия оформлена в виде Европейской политики соседства (ЕПС; *European Neighborhood Policy, ENP*) и Евро-средиземноморского партнерства, начало которому было положено Болонским процессом (1995 г.). По инициативе французского президента Николя Саркози в 2008 г. второй проект получил название «Союз для Средиземноморья» (СдС; *Union for the Mediterranean, UfM*).

Обе концепции преследовали цель усилить влияние ЕС в Северной Африке и Средиземноморье посредством содействия социально-экономическому развитию и политическим реформам. Предполагалось установить равноуровневое взаимодействие Брюсселя с группами стран в этих регионах (в зависимости от готовности последних сближаться с ЕС). Изначально наряду с идеей развития диалога во всех областях СдС делал акцент на интенсификации торгово-экономических отношений стран Средиземноморья вплоть до создания зоны свободной торговли. Команда президента Н. Саркози не скрывала амбициозной цели добиться доминирования Франции в регионе в условиях, когда планировалось строительство новых газопроводов из Северной Африки и Израиля в Европу через водное пространство [Tasche, 2010].

До 2015–2016 гг. Брюссель продвигал обе концепции как систему взаимодействия ЕС со странами-соседями в духе «мягкой силы». Ситуация существенно изменилась с «Арабской весны». «Фокус ЕПС на утверждение демократии (в странах-партнерах – *А.Ш.*) не исчез совсем, но он утратил свою приоритетность. Теперь встал вопрос о необходимости в целом реформировать сферу безопасности партнеров и наращивать противодействие терроризму и радикализму», – пишет эксперт Французского института международных отношений в Брюсселе Вивьен Пертюсо [Pertusot, 2016: 22]. Новые акценты в пользу уже не социально-политических изменений в духе принятия европейских ценностей и норм, а

---

¹ Porter L. Turkey to host four-way summit with UAE, Qatar and Iraq on new trade route. The National. 26.08.2024. URL: <https://www.thenationalnews.com/news/mena/2024/08/26/turkey-to-host-four-way-summit-with-uae-qatar-and-iraq-on-new-trade-route/> (дата обращения: 29.08.2024).

сохранения статус-кво при наличии в странах-партнерах эффективного управления (*well-governed states*) внесены в базовые документы обновленной ЕПС в 2015 г. и получили развитие в Глобальной стратегии ЕС 2016 г.

Турбулентность в Средиземноморском регионе, приведшая к миграционным кризисам и гражданским войнам в Сирии и Ливии, породила для ЕС новые угрозы. Для нейтрализации последних Евросоюз выстроил систему безопасности на южных границах. Упомянутые кризисы вынуждали Брюссель наращивать усилия по смягчению конфликтов в странах соседства (например, в Ливии). Оправдывая обозначившиеся признаки интервенционизма Брюсселя, Р. Янг считает, что «хотя акцент на безопасности ЕС понятен и действительно необходим, исключительное сдерживание (угроз с юга – *А.Ш.*) вряд ли обеспечит его долгосрочные стратегические интересы в Средиземноморье» [Youngs, 2015].

События «Арабской весны» (особенно в 2015–2018 гг.) внесли хаос в отношения Брюсселя со странами Северной Африки. С одной стороны, ЕС оказался вынужденным защищаться от волн нелегальной иммиграции, дистанцируясь от региона, с другой – пытался сохранить влияние. Правящие круги стран Магриба (Марокко, Туниса, Ливии и Алжира) начали проявлять склонность к проведению многовекторной политики, которая открыла возможности для других крупных международных игроков. В результате Северная Африка стала ареной столкновения конкурентных стратегий США, России, Китая и арабских монархий Персидского залива, что сократило масштабы присутствия Евросоюза в регионе [Jacobs, 2021: 14].

В новых условиях ЕС приступил к реформатированию ЕПС и ЕДП с акцентом на «мягкую силу». С 2016 г. ведущим документом становится Глобальная стратегия, которая декларирует необходимость наращивания силовой составляющей во внешнеполитической деятельности в русле стратегической автономии. «Как европейцы мы должны взять на себя большую ответственность за собственную безопасность. Мы должны быть готовы сдерживать (противника – *А.Ш.*), отвечать и защищать себя перед лицом угроз. В то время как НАТО существует для обороны своих членов – большинство которых европейцы – от нападений извне, европейцы должны быть лучше экипированы, обучены и организованы, чтобы вносить решающий вклад в коллективные усилия, а также чтобы действовать автономно, если и когда это необходимо», – отмечается в тексте Глобальной стратегии¹.

В контексте ближневосточной политики установка на стратегическую автономию формировалась как безальтернативная. Постепенное сворачивание американского присутствия в регионе при Б. Обаме продолжила администрация Д. Трампа², подтвердив партнерские обязательства в сфере безопасности только перед основными союзниками – Израилем и Саудовской Аравией. Вопреки установкам Брюсселя Вашингтон начал проводить политику максимального давления на Тегеран и вышел в 2018 г. из совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). В последующие годы ЕС прилагал значительные усилия, чтобы сохранить СВПД, и критиковал подход США к этой проблеме при Д. Трампе.

¹ A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. The Diplomatic Service of the European Union. 06.2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

² На 01.01.2017 г. (начало каденции Д. Трампа – 21.01.2017 г.) в странах Ближнего Востока было размещено почти 40 774 американских военнослужащих, а в конце его президентства (01.01.2021 г.) осталось 12 420.

При Дж. Байдене накал разногласий Вашингтона и Брюсселя по ближневосточной проблематике заметно снизился, поскольку позиция администрации во многом совпала с видением руководства ЕС. После начала украинского кризиса (февраль 2022 г.) и террористической атаки ХАМАС на Израиль (октябрь 2023 г.) подходы к проблемам БВ стали еще менее различимыми: ЕС впервые четко признал право Израиля на самооборону, возложив вину за конфликт на лидеров ХАМАС. По сути, Вашингтон и Брюссель дали «зеленый свет» военной операции в секторе Газа, направляя израильскому руководству призывы избегать жертв среди мирного населения.

Показательна скоординированность военных подразделений США и Евросоюза в регионе для отражения массированной воздушной атаки против Израиля 18 апреля 2024 г. Партнерство Тегерана с Москвой усилило восприятие Ирана в Европе как враждебного государства, что сняло СВПД с политической повестки. Ряд аналитиков в США и ЕС полагает, что в случае обретения Тегераном ядерного оружия наибольшее влияние на Иран сможет оказать Россия, повышая тем самым значимость в глазах западных политиков и Китая¹. Подобная перспектива представляет значительно бóльшую угрозу для европейского континента, чем для Соединенных Штатов. Таким образом, факторы, сближающие подходы США и ЕС к проблемам БВ, сегодня более значимы, чем те, что еще недавно разделяли трансатлантических партнеров.

Выводы

Украинский кризис заметно повлиял на процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, спровоцировал эскалацию по линиям традиционного противостояния локальных игроков. Резко возросшая враждебность России и США/ЕС неизбежно транслируется на Ближний Восток. В большей степени, чем другие международные акторы, Евросоюз оказался перед необходимостью адаптироваться к новым условиям. Это может означать смену приоритетов формирования внешней политики применительно к БВ посредством смещения акцентов с «мягкой силы» на «жесткую». Американские союзники призывают ускорить этот процесс, рассчитывая уменьшить бремя расходов в контексте планируемого сокращения военного присутствия, которое Вашингтон из-за возобновляемой турбулентности в странах Машрака и Персидского залива вынужден периодически приостанавливать.

Кроме того, возрастает заинтересованность ЕС в расширении масштабов присутствия в регионе в геоэкономическом отношении, что обусловлено запросом на поставки углеводородов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также запуском арабо-турецкого проекта нового сухопутного коридора, связывающего Европу со странами Персидского залива, минуя Суэцкий канал. «Дорога развития» может быть реализована в ближайшие два – три года. Однако конфликтогенному региону имманентно присуще неизбежное сочетание усилий в сфере экономики с демонстрацией военной мощи. Активизация Брюсселя на БВ будет происходить с возрастающей координацией с Вашингтоном.

---

¹ Javedanfar M. Why the Ukraine and Gaza wars mean Russia could now support a nuclear-armed Iran. European Leadership Network. 03.04.2024. URL: <https://europeanleadershipnetwork.org/commentary/why-the-ukraine-and-gaza-wars-mean-russia-could-now-support-a-nuclear-armed-iran/> (дата обращения: 20.08.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Киссинджер Г. (1997) *Дипломатия*. Ладомир, Москва. 848 с.
- Bianco C., Tassinato E. (2024) Taking Stock of “Aspides”: A Step Forward in Europe’s Geopolitical Role in the Red Sea? *Brussels International Center*. 27.05. URL: <https://www.bic-rhr.com/research/taking-stock-aspides-step-forward-europes-geopolitical-role-red-sea> (дата обращения: 15.08.2024).
- Fasanotti F.S. (2023) What role for Europe in the Middle East and North Africa? *Geopolitical Intelligence Services*. 16.01. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/europe-mena/> (дата обращения: 12.08.2024).
- Fasanotti F.S. (2024) The Russian strategy in the Mediterranean. *Geopolitical Intelligence Services*. 25.06. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-mediterranean/> (дата обращения: 12.08.2024).
- Fayet H. (2022) *Quelle posture stratégique pour la France au Moyen-Orient?* IFRI, Paris, France. 98 p.
- Gildea R. (2019) *Empires of the Mind. The Colonial Past and the Politics of the Present*. Cambridge University Press. 358 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316671702.005>
- Hadar L. (2023) An EU Pivot to the Middle East. *Foreign Policy Research Institute*. 08.05. URL: <https://www.fpri.org/article/2023/05/an-eu-pivot-to-the-middle-east/> (дата обращения: 12.08.2024).
- Jacobs A.L. (2020) *Regional and Global Power Competition Deepens Fault Lines Across the Southern Mediterranean*. Arab Gulf States Institute in Washington, Washington, USA. 24 p. URL: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2020/10/Jacobs_Gulf-Influence-in-North-Africa_ONLINE2.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
- Moser C. (2020) Hard Power Europe? *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. No. 80(1). P. 1–12.
- Pertusot V. (2016) *The European Neighbourhood Policy: A Bureaucratic Phoenix?* IFRI, Paris, France. 28 p.
- Tasche T. (2010). The Project of a Union for the Mediterranean – Pursuing French Objectives through the Instrumentalisation of the Mare Nostrum. *L'Europe en Formation*. No. 356(2). P. 53–70. DOI: 10.3917/eufor.356.0053
- Youngs R. (2015) The EU’s geopolitical crossroads in the Middle East. *Policy Brief*. No. 127. 8 p.
- Ward S. (2021) Decolonization and Neocolonialism. *The Oxford World History of Empire*. Ed. by P.F. Bang, C.A. Bayly, W. Scheidel. Oxford University Press. P. 1161–1186. DOI: 10.1093/oso/9780197532768.003.0042
- Wezeman P., Gadon J., Wezeman S. (2023) *Trends in International Arms Transfers, 2022*. SIPRI, Stockholm, Sweden. 12 p. DOI: <https://doi.org/10.55163/CPNS8443>

US-EU: Middle East as a Zone of “Shared Responsibility”

A.I. Shumilin

*Doctor of Sciences (Politics)**Chief Researcher, Institute of Europe, RAS**Editor-in-Chief, Scientific and Analytical Bulletin of IE RAS**11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009**E-mail: mideast@bk.ru*

Abstract. The article examines a number of aspects of the process of updating the approaches of the United States and the European Union to the problems of the Middle East (ME), as well as attempts by Washington and Brussels to coordinate their actions under the new conditions. In the United States, the voices of politicians and experts are growing who believe that, despite the fact that threats from the ME are much more significant for the security of Europeans, the latter refrain from increasing their participation in Middle Eastern affairs, still relying on America's military power there. In turn, many European politicians do not hide their disappointment in the US approaches to a number of crises in the Middle East, and increasingly reproach them for the “loss of American leadership” on the world stage. The need for Europeans to increasingly rely on their own strength and resources, formalized in the form of the concept of the EU's “strategic autono-

my”, is today determined not only by the situation around Ukraine, but also by the increasing level of conflict in the Middle East – namely, Israel's military actions against Hamas extremists in the Gaza Strip, direct clashes between Israel and Iran, the activation of pro-Iranian groups in Lebanon, Iraq and Yemen.

Keywords: Middle East strategy, Macron, Mediterranean, European Union, USA, Russia, Ukraine, Gaza Strip, Israel, Hamas

DOI: 10.31857/S0201708324060068

REFERENCES

- Bianco C., Tasinato E. (2024) Taking Stock of “Aspides”: A Step Forward in Europe’s Geopolitical Role in the Red Sea?, *Brussels International Center*, 27.05. URL: <https://www.bic-rhr.com/research/taking-stock-aspides-step-forward-europes-geopolitical-role-red-sea> (accessed: 15.08.2024).
- Fasanotti F.S. (2023) What role for Europe in the Middle East and North Africa?, *Geopolitical Intelligence Services*, 16.01. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/europe-mena/> (accessed: 12.08.2024).
- Fasanotti F.S. (2024) The Russian strategy in the Mediterranean, *Geopolitical Intelligence Services*, 25.06. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-mediterranean/> (accessed: 12.08.2024).
- Fayet H. (2022) *Quelle posture stratégique pour la France au Moyen-Orient?*, IFRI, Paris, France.
- Gildea R. (2019) Empires of the Mind. The Colonial Past and the Politics of the Present, *Cambridge University Press*. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316671702.005>
- Hadar L. (2023) An EU Pivot to the Middle East, *Foreign Policy Research Institute*, 08.05. URL: <https://www.fpri.org/article/2023/05/an-eu-pivot-to-the-middle-east/> (дата обращения: 12.08.2024).
- Jacobs A.L. (2020) *Regional and Global Power Competition Deepens Fault Lines Across the Southern Mediterranean*, Arab Gulf States Institute in Washington, Washington, USA. URL: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2020/10/Jacobs_Gulf-Influence-in-North-Africa_ONLINE2.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
- Kissinger G. (1997) *Diplomacy*, Ladimir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Moser C. (2020) Hard Power Europe?, *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 80(1), pp. 1–12.
- Pertusot V. (2016) *The European Neighbourhood Policy: A Bureaucratic Phoenix?*, IFRI, Paris, France.
- Tasche T. (2010). The Project of a Union for the Mediterranean – Pursuing French Objectives through the Instrumentalisation of the Mare Nostrum, *L'Europe en Formation*, 356(2), pp. 53–70. DOI: 10.3917/eufor.356.0053
- Ward S. (2021) Decolonization and Neocolonialism, in Bang P.F., Bayly C.A., Scheidel W. (ed.) *The Oxford World History of Empire*, Oxford University Press, pp. 1161–1186. DOI: 10.1093/oso/9780197532768.003.0042
- Wezeman P., Gadon J., Wezeman S. (2023) *Trends in International Arms Transfers, 2022*, SIPRI, Stockholm, Sweden. DOI: <https://doi.org/10.55163/CPNS8443>
- Youngs R. (2015) The EU’s geopolitical crossroads in the Middle East, *Policy Brief*, 127.